

УДК 94(470.67)

*Ю.М. Гусейнов****СМЕЩЕНИЕ ВЕКТОРА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ТУРЦИИ С ЕВРОПЕЙСКОГО
АРЕАЛА НА КАВКАЗСКИЙ ПЛАЦДАРМ В НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА.
ПОРАЖЕНИЕ ОСМАНО-КРЫМСКИХ ВОЙСК В КАБАРДЕ В 1708 Г.**

Статья посвящена политике Российской империи в Крымском регионе, в частности смещению политики Турции с европейского ареала на кавказский плацдарм. Рассматривается османо-крымская агрессия с северо-запада в Дагестан, которая позволила отсечь волны ирано-турецких нашествий с юго-востока. Важными промежуточными базами борьбы с восточными завоевателями служили также Адыгея, Черкесия, Карачай, Балкария, Осетия, Чечня и Ингушетия. В этой связи стало уместно осветить поход османо-турецких войск в Кабарду, которые, естественно, доставляли неисчислимые бедствия местным народам и встречали решительный отпор, поэтому потерпели поражение.

Весомое место в статье уделено русско-турецким взаимоотношениям, а также месту и роли Крыма в нем. Так как Крымский регион был в исследуемое время составной частью Турции, он был втянут во все распри, где участником была Порта.

Таким образом, внешнеполитическое положение Крыма было продиктовано внешней политикой Турции, так как Крым находился под протекторатом Османской империи. Нередко крымские османы совершали разбойничьи набеги на соседей, однако многие из них не увенчались успехом. Одним из неудачных походов гереев стал поход в Кабарду в 1708 году.

Ключевые слова: Россия, Крым, Турция, Порта, Крымское ханство, Причерноморье, Каспийское море, Мустафа III, Кабарда, Сефевиды.

Азовские походы Петра I и подписанные вслед за ними договоры породили две противоборствующие тенденции: во-первых, воспрепятствовали дальнейшему наступлению османов на Западе; во-вторых, дали надежду в сердцах и умах правящих кругов Османской империи на компенсацию понесенных в Европе потерь на Востоке. Иными словами, произошло смещение вектора внешней политики Порты с европейского ареала на кавказский плацдарм.

---

* © Гусейнов Ю.М., 2016

Гусейнов Юсуп Магомедович (g.usup@mail.ru), кафедра гуманитарных дисциплин, Дагестанский государственный университет народного хозяйства, 367008, Российская Федерация, г. Махачкала, ул. Д. Атаева, 5.

Ситуация в Крымском регионе благоприятствовала этому. Анализ обстановки в его наиболее «горячей» части – на Северном Кавказе – показывает, что на рубеже XVII–XVIII вв. здесь возникла наиболее напряженная обстановка. Она определялась не только внутренними причинами, но и политикой сопредельных стран – султанской Турции, шахского Ирана и царской России, – стремившихся овладеть этим важнейшим стратегическим плацдармом на стыке Европы и Азии.

Ведущее место в своей кавказской политике они уделяли Кабарде, преграждавшей путь османо-крымской агрессии с северо-запада, и Дагестану, отсекавшему волны ирано-турецких нашествий с юго-востока. Важными промежуточными базами борьбы с восточными завоевателями служили также Адыгея, Черкесия, Карачай, Балкария, Осетия, Чечня и Ингушетия.

Уместно отметить, что, вступив с начала XVI века в ожесточенную религиозно-политическую конфронтацию, правящие круги сефевидского Ирана и Османской империи вели длительную борьбу за овладение Северным Кавказом. С истечением некоторого времени в этот конфликт втянулась и царская Россия. Активность иранских феодалов особенно возросла после заключения ирано-турецкого договора 1639 года, передавшего часть Дагестана Ирану, но овладеть Северным Кавказом им не удалось. В середине XVII в. сефевидские правители вынуждены были согласиться с покровительством, которое оказывала Россия Кабарде и Северному Дагестану. В последней трети XVII в. почти все владетели Большой и Малой Кабарды признавали верховенство московских царей. Кабарда и Дагестан представляли для России важнейший стратегический плацдарм, обеспечивая связь по наиболее удобным путям с Азербайджаном, Арменией и Грузией.

Ослабление позиций Ирана в Дагестане и усиление позиций России в Кабарде вызвали новую волну османо-крымской агрессии. Н.А. Смирнов считает: «Раздробленный на множество феодальных владений Северный Кавказ, казался Турции наиболее уязвимым местом, захват которого давал ей в руки ключ к разрешению не только кавказской, но и иранской проблемы» [8, с. 28–29]. Активность этой агрессии заметно усилилась после взятия русскими войсками Азова в 1696 году. Именно с тех пор вассалы Порты – крымские ханы – стали совершать неоднократные разорительные нашествия на земли адыгов, черкесов, абазин, бэкедухов и других народностей Северного Кавказа. Такие набеги, по некоторым данным, на рубеже XVII–XVIII вв. следовали волна за волной (в 1699, 1700, 1701, 1703, 1708 гг.) [9, с. 12].

Но добиться своих целей османским и крымским агрессорам не удалось. Упорная борьба северокавказских народов за независимость и поражение османов в войнах с коалицией европейских держав в конце XVII века временно отвлекли внимание Стамбула от кавказских дел на европейскую арену. Ослабленная династическими распрями и внутренними смутами допетровская Россия также не могла уделить необходимое внимание Северному Кавказу. Одновременно упало давление и со стороны сефевидского Ирана, вступившего в полосу глубокого социально-экономического кризиса. Ввиду влияния указанных факторов последние десятилетия XVII в. для народов Кавказа оказались временем относительного спокойствия. В северных районах региона также наступило некое затишье.

Однако это затишье не означало стабилизации положения на Северном Кавказе и наступления мира для горских народов. Ни одна из соперничавших держав не отказалась от своих стратегических планов в отношении Кавказа. На рубеже XVII–XVIII вв. Кабарда, Дагестан и другие территории региона оставались объектом острой дипломатической борьбы между правителями Стамбула, Москвы и Исфахана. Сложившаяся обстановка осложнялась и тем, что балкарцы, карачаевцы, осетины, чеченцы и ингуши, находившиеся в зависимости от феодальных правителей Кабарды, Дагестана и Грузии, имели свои интересы, в значительной мере отличные от интересов этих феодалов. Тяготая преимуществу к России, они надеялись избавиться под ее покровительством не только от деспотизма местных властителей, но и от угрозы порабощения соседними восточными державами – Ираном и Турцией [1, с. 39–40].

Приведенные выше достоверные материалы показывают, что Северный Кавказ издавна привлекал внимание соседних держав. Многолетняя борьба за овладение этим краем с учетом «крымского фактора» для России и Турции шла с переменным успехом. Наконец продолжавшиеся более века ирано-турецкие войны завершились

временно Касре-Ширинским (Зохабским) договором 31 мая 1639 года, разделившим земли Кавказа между Ираном и султанской Турцией, сохранившиеся за ними до Каспийского похода Петра I (1722 г.). Этот регион вновь оказался и в сфере внешней политики России с выходом ее на побережье Каспия и принятием Иваном IV Грозным в подданство Кабарды (1556–1557 гг.). Но приступить к решению восточной проблемы (доступу к южным морям и овладению стратегической инициативой) Россия не смогла, занятая отражением интервенции польской шляхты на Западе, османо-крымских нападений на юге и тяжелой войной со Швецией на Севере.

В начале XVIII века позиции противоборствующих сторон в регионе были следующие: Азербайджан, Восточная Грузия и Восточная Армения, а также Дагестан находились под властью Ирана; Западная Грузия, Западная Армения, Абхазия и адыги, жившие в Причерноморье и в районах Кубанского бассейна, оставались под властью Порты. В Приазовье и Кубани кочевали зависимые от Крыма ногайцы, составлявшие Кубанскую орду. Позиции России на Кавказе были слабее. Они ограничивались небольшим прикаспийским районом с укрепленным городом Терки и несколькими станицами гребенских казаков на левом берегу Терека. Конечно, взятие Азова в 1696 году и получение выхода к Азовскому морю сулили России большие потенциальные возможности, но содействовать укреплению ее влияния на Северном Кавказе они еще не могли. Как верно заметила В.Д. Налоева, по русско-турецкому Константинопольскому договору 1700 года «кубанская сторона» признавалась территорией с преимущественными правами Османской империи [5, с. 114].

Таким образом, ни одна из сторон не была удовлетворена достигнутыми результатами. Каждая из них продолжала вынашивать далеко идущие планы: Сефевиды стремились не только сохранить свое влияние на Кавказе, особенно в бассейне Каспийского моря, но и продвинуть северные границы шахских владений до Терека; османские правители хотели расширить зоны своего контроля в Закавказье и Прикубанье, распространить с помощью крымских ханов и ногайских мурз свою власть на степные народы, живущие между Кубанью и Волгой; Петр I и его советники считали необходимым укрепиться на побережье Черного и Каспийского морей, обезопасить южные границы от османо-крымских нашествий, удовлетворить потребности экономического и политического развития России.

Особым упорством отличались намерения новых правителей Турции и Крымского ханства, стремившихся взять реванш за военные поражения в Европе и потерю Азова в конце XVII века. Война России со Швецией и усилившийся упадок Ирана благоприятствовали замыслам османской и крымской элиты. Оказавшийся у власти султан Ахмед III (1703–1730) пытался решить внутренние неурядицы активизацией османской политики на Кавказе. Стратегические замыслы правящих кругов Османской империи и Крымского ханства предусматривали, как и прежде, создание опорного плацдарма в Северо-Кавказском регионе для противодействия возможным акциям со стороны России и Ирана.

Следует отметить, что такой курс внешней политики Порты пробудил активность жаждавших новых добыч крымских ханов и ногайских мурз, совершавших, как указывалось выше, опустошительные набеги на адыгов, черкесов, Кабарду, а также на редко заселенные и слабо защищенные южные районы России. Так, по неполным данным, с конца XVII до начала Каспийского похода Петра I турецко-татарские набеги на Кабарду, районы Царицына, Пензы, Симбирска и Саратова следовали почти непрерывно: в 1699–1701, 1703–1704, 1707–1708, 1710–1717, 1720–1721 гг. [7. Л. 282–285].

Особое место среди них занял поход хана Каплан-Гирея в Кабарду в 1708 году, имевший чрезвычайно важные последствия как для Кабарды, так и для Крымского ханства. Он проходил в сложных условиях, оказавших влияние на его начало и продолжение. Походу предшествовал ряд столкновений между крымскими феодалами и кабардинскими князьями. Поводом к обострению ситуации послужило то, что в декабре 1699 г. в доме кабардинского князя Темирбулата был убит крымский царевич Шабаз-Гирей, назначенный султаном Ахмедом III на должность крымского калги (наместника хана) вопреки воле хана Девлет-Гирея [7. Л. 9]. Но вскоре выяснилось, что убийство было организовано старшими братьями самого Шабаз-Гирея, недовольными таким назначением [8, с. 669–670].

Это событие стало толчком для новых вторжений крымских феодалов в Кабарду и перемещения претендентов на ханскую власть в Крыму. Как отмечает, касаясь этого вопроса, В.Н. Сокуров: «В 1700-е годы ведение черкесских дел было поручено Каплан-Гирею, младшему брату Шабаз-Гирея, который в том же году и весной следующего 1701 года под предлогом мести за убийство своего брата совершил два карательных похода в Черкесию» [9, с. 34].

Эти походы, по-видимому, не дали ожидаемых результатов, что вызвало недовольство турецкого султана, издавшего специальный указ о смещении с престола хана Каплан-Гирея. Отношения между Стамбулом и Бахчисараем резко обострились. В 1703 году смещенный Каплан-Гирей поднял восстание против Порты в Крыму и на Кубани, но был разбит и бежал в Кабарду. Узнав об этом, султан Ахмед послал новому правителю Крыма Селим-Гирею золотое оружие и 4000 золотых червонцев с требованием направить 60 000 татар против кабардинцев. Для поддержки этой акции в июне был отправлен новый калга Гази-Гирей, но поход оказался безуспешным. Селим-Гирей скончался в 1702 г. Его сменил Гази-Гирей, неудачное правление которого продолжалось до 1707 г. Пользуясь создавшейся обстановкой, крымские татары добились помилования от султана Ахмеда III, по его же воле крымский престол снова занял изворотливый Каплан-Гирей.

Стараясь оправдать доверие Стамбула, сразу же после восстановления на троне он отправил в Кабарду калгу Менгли-Гирея с отрядом своей конной гвардии для сбора ясыря (дани) и переселения кабардинцев за Кубань, но выполнить эту задачу Менгли-Гирей не смог. Получив известие об этом, султан Ахмед приказал самому Каплан-Гирею собрать до 40 000 войска и организовать поход в Кабарду, чтобы «оных черкес (кабардинцев) разорить и жилища их пожечь» [7. Л. 278].

Естественно, эти нашествия турецких и крымских феодалов, доставляющие неисчислимые бедствия местным народам, встречали решительный отпор. Несмотря на это, получив личный указ от турецкого султана, весной 1708 года Каплан-Гирей напал на Кабарду, о чем подробно повествуют турецкие, кабардинские и другие авторы.

Например, турецкий историк Мехмет Фундуклулу сообщает такие подробности этого похода, в котором участвовал и закубанский правитель Наиб Султан. Черкесские беки при назначении нового крымского хана посылали ему в виде подарка, вернее, дани, 300 человек ясыря (рабов). Но Каплан-Гирей потребовал выдать ему не менее 3000 человек, на что черкесские беки ответили, что им трудно выполнить такое требование, когда крымские ханы сменяются почти каждый год. Они подкрепили свой ответ ссылкой на мусульманский закон, который навряд ли позволяет отдавать в рабство целое полчище мусульманского народа. Разгневанный непокорностью черкесских беков, хан двинулся через Керчь на Тамань, а оттуда на Кабарду. В ответ на это кабардинцы применили военную хитрость. Упросив хана в течение трех дней подождать в долине, пока они выполняют его требование, они за это время собрали свои силы и ночью внезапно напали на крымско-турецкое войско, потерявшее в сражении с кабардинцами и черкесами около 30 000 убитыми и плененными [3, с. 35–37]. Пораженный этим известием, Мехмет Фундуклулу вынужден был признать, что «никогда не слыхано было их (крымцев и кубанцев) такого избиения» [10, с. 1]. Такие же сведения приводятся глубоким знатоком крымской проблемы – русским советским историком Н.А. Смирновым [8, с. 10–11].

Уместно отметить, что в таких же красочных тонах разгром кабардинцами вражеского войска описывает адыгейский (кабардинский) историк Ш.Б. Ногмов. Согласно его записям, выведав детально расположение крымского войска на бугре Канжала и выбрав удачный ночной момент, командующий кабардинскими силами князь Кургоко «тотчас же велел собрать около 300 ослов и к каждому привязать по две вязанки сена». Потом «отправился на неприятеля и, приблизившись к нему, велел у всех ослов зажечь сено и гнать их на неприятельский лагерь несколькими выстрелами [2, с. 53–55]. Ослы ужасным криком своим до того перепугали неприятелей, что они в беспамятстве и смятении стали рубить друг друга; с рассветом же стремительно бросились на них кабардинцы и совершенно их разбили, взяв много пленных и большую добычу» [5, с. 146–147].

Важно отметить, что современные кабардинские историки Б.К. Мальбахов и К.Ф. Дзамихов, сохранив и усилив высокий пафосный дух сообщений своих предшественников, придали их сведениям четко выверенную научную формулировку с такой констатацией: «В ходе нашествия Каплан-Гирея произошла Канжальская битва – самое значительное событие за почти 300-летнюю борьбу кабардинского народа с крымско-турецкими захватчиками. Она имела большое политическое значение как для кабардинцев, в первую очередь, так и других народов Северного Кавказа» [4, с. 204].

Не лишне повторить, что правящие круги Турции и Крыма не сделали трезвых выводов из понесенных потерь. Наоборот, захватнические замыслы осmano-крымской верхушки продолжали простираться на обширную область – от Азова до Астрахани. Подтверждением тому могут служить попытки бахчисарайского правителя Девлет-Гирея II в 1708 г. привлечь на борьбу с Россией кумыков и чеченцев, которых он призывал напасть на русские укрепления и казачьи станицы на Тереке. Повидимому, не без влияния подобных уговоров произошло нападение на Терскую крепость чеченцев, ногайцев и кумыков под предводительством башкирского хана Мурада, принимавшего ранее участие в выступлениях под руководством Кондратия Булавина и домогавшегося помощи и подданства у Порты.

Библиографический список

1. Ботсвадзе Т.Д. Народы Северного Кавказа в грузино-русских политических взаимоотношениях в XVI–XVIII вв. Тбилиси: Мецкиерэба, 1974. 578 с.
2. Гусейнов Ю.М. Складывание и развитие крымской политики России: история и современность // Вестник Оренбургского государственного университета. № 7. 2015. С. 53–57.
3. Гусейнов Ю.М. Крымский полуостров в первой четверти XIX века: политика Российской империи в Крыму // Историческая и социально-образовательная мысль. № 6. 2015. С. 32–34.
4. Мальбахов Б.К., Дзамихов, К.Ф. Кабарда во взаимоотношениях России с Кавказом, Поволжьем и Крымским ханством (середина XVI – конец XVIII в.). Нальчик, 1996. 564 с.
5. Налоева Е.Д. Государственно-политический строй и международное положение Кабарды в первой половине XVIII в.: дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 1973. 209 с.
6. Ногмов Ш.Б. История адыгейского народа, составленная по преданиям кабардинцев. Нальчик, 1994. 487 с.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 123: Сношения России с Крымом. 1699. Оп. 1. Д. 2. Л. 9 об. – 10.
8. Смирнов Н.А. Кабардинский вопрос в русско-турецких отношениях XVI–XVIII вв. Нальчик, 1948. 259 с.
9. Сокуров В.Н. Внешнеполитическое положение Кабарды в последней четверти XVII – первой четверти XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1977. 186 с.
10. Mehmet Funduklulu. Nisretname. Istanbul, 1962–1964. С. 1. В. 1–3.

References

1. Botsvadze T.D. Narody Severnogo Kavkaza v gruzino-russkikh politicheskikh vzaimootnosheniakh v XVI – XVIII vv. [Peoples of the North Caucasus in the Georgian-Russian political relations in the XVI – XVIII centuries]. Tbilisi: Metskiereba, 1974, 578 p. [in Russian].
2. Guseinov Yu.M. Skladyvanie i razvitie krymskoi politiki Rossii: istoriia i sovremennost' [Folding and development of the Crimean policy of Russia: history and modernity]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2015, no. 7, pp. 53–57 [in Russian].
3. Guseinov Yu.M. Krymskii poluostrov v perovoi chetverti XIX veka: politika rossiiskoi imperii v Krymu [Crimean Peninsula in the first quarter of the XIX century: the policy of the Russian Empire in the Crimea]. *Istoricheskaja i sotsial'no-obrazovatel'naja mysl'* [Historical and social-educational idea], 2015, no. 6, pp. 32–34 [in Russian].
4. Mal'bakhov B.K., Dzamikhov K.F. Kabarda vo vzaimootnosheniakh Rossii s Kavkazom, Povolzh'em i Krymskim khanstvom (seredina XVI – konets XVIII vv.) [Kabarda in the relations between Russia with the Caucasus, the Volga Region and the Crimean khanate (middle of the XVI – late XVIII centuries)]. Nalchik, 1996, 564 p. [in Russian].

5. Naloeva E.D. *Gosudarstvenno-politicheskii stroi i mezhdunarodnoe polozhenie Kabardy v pervoi polovine XVIII v. dis... k.i.n* [State-political system and international position of Kabarda in the first half of the XVIII century. Candidate's of Historical Sciences thesis]. Nalchik, 1973, p. 209 [in Russian].
6. Nogmov Sh.B. *Istoriia adygeiskogo naroda, sostavlennaia po predaniiam kabardintsev* [History of the Adighe people, based on the legends of the Kabardian]. Nalchik, 1994, 487 p. [in Russian].
7. Russian State Archive of Ancient Acts (RGADA). F. 123: Relations of Russia with the Crimea, 1699. Op. 1, d. 2, l. 9 ob – 10 [in Russian].
8. Smirnov N.A. *Kabardinskii vopros v russko-turetskikh otnosheniiakh XVI – XVIII vv.* [Kabardian question in the Russian-Turkish relations of the XVI – XVIII centuries]. Nalchik, 1948, 259 p. [in Russian].
9. Sokurov V.N. *Vneshnepoliticheskoe polozhenie Kabardy v poslednei chetverti XVII – pervoi chetverti XVIII v.: Avtorefer. dis. ... k.i.n.* [Internal standing of Kabarda in the last quarter of the XVII – first quarter of the XVIII century: Extended abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. M., 1977, 186 p. [in Russian].
10. Mehmet Funduklulu. Nisretname. Istanbul, 1962–1964, C. 1. B. 1–3 [in Turkish].

Yu.M. Guseynov*

DISPLACEMENT OF THE VECTOR OF FOREIGN POLICY OF TURKEY FROM THE EUROPEAN AREA ON THE AREA ON THE CAUCASIAN BRIDGEHEAD. DEFEAT OF THE OTTOMAN-CRIMEAN FORCES IN KABARDA IN 1708

The article of Yu.M. Guseinov is devoted to the policy of the Russian Empire in the Crimean region. In particular, the displacement of the policy of Turkey from the European area on the Caucasian bridgehead is shown. The author doesn't ignore Ottoman-Crimean aggression from the northwest to Dagestan, which allowed to chop off the waves of Iranian and Turkish invasions from the South-East. Important intermediate bases of fight against Eastern conquerors were also Adygea, Circassia, Karachay, Balkaria, Ossetia, Chechnya and Ingushetia. In this regard it is appropriate to consider the campaign of the Ottoman Turkish troops in Kabarda and their defeat, which, of course, brought untold misery to local peoples, and was met with a decisive rebuff.

Significant place in the article is given to the Russian-Turkish relationships and the role and place of Crimea in it. As the Crimean region was at the investigated time, part of Turkey it once had been involved in all conflicts, where a party was Port.

Thus, international standing of the Crimea was motivated by the foreign policy of Turkey as the Crimea was under protectorate of the Ottoman Empire. Not infrequently the Crimean Ottomans made plundering inroads on neighbours, however the majority of them was not a success. One of the most unsuccessful campaigns of gereis was the campaign to Kabarda in 1708.

Key words: Russia, Crimea, Turkey, Port, the Crimean Khanate, the Black Sea, the Caspian Sea, Mustafa III, Kabarda, Safavids.

Статья поступила в редакцию 10/II/2016.
The article received 10/II/2016.

---

* *Guseynov Yusup Magomedovich* (g.usup@mail.ru), Department of Humanitarian Disciplines, Dagestan State University of National Economy, 5, D. Ataev Street, Makhachkala, 367008, Russian Federation.